

В ритме происходящего

Эманюэль Ландольт

Специально для **Пушкина**.
Перевод с французского
Михаила Маяцкого

PASCAL MICHON, *Les rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé*, Paris: Les Prairies Ordinaires 2007. 311 p.
(Паскаль Мишон, Ритмы политического. Демократия и глобализованный капитализм)

Книга Паскаля Мишона «Ритмы политического. Демократия и глобализованный капитализм» посвящена всё тому же: что делать с левым наследием? что делать с императивом радикальной критики существующей системы? В отличие от ностальгического большинства, музенифицирующего теоретический бум 30–40-летней давности, автор устремлен вперед и настроен на решительное обновление категорий критического мышления. Конечно, постоянный пересмотр концептуального инвентаря укоренен в самой традиции французской критической мысли, причем еще в ее родном, дозэкспортном варианте, еще до того, как она превратилась во French Theory. Сегодня же неотложность обновления диктуется риском наивного повторения критического дискурса боях годов. Повторением довольствуются многие, но не на этом пути обретаются боеспособные в условиях неолиберализма интерпретации. Сегодня, в уныло-панихиидной атмосфере начала XXI века, когда нас покинули великие демиурги French Theory (Фуко, Барт, Деррида, Делёз...), пора принять, что мир радикально изменился, а система претерпела подлинную метаморфозу и переместилась в иное пространство. Мишон начинает с разбора применимости старой критической теории к новой ситуации. Что же обнаруживается? Что новый мировой порядок

ухитился превратить своих основных критиков в союзников. Переиначенная таким манером французская философия поставлена на службу новой системе, находящей свое оправдание в экономических сдвигах глобализованного капитализма. А потому сегодня, в час скорбно-мемориальных воздыханий по канувшей в прошлое поре великих интеллектуальных битв, ученикам своих учителей необходимо обновить (а для этого: обновить) свою ангажированность, которая в неолиберальную эпоху должна с необходимостью стать неолибертинской: а значит, принципиально номиналистской и подчеркнуто подозрительной по отношению к реальному. Новая критика призвана прийти на смену старой, той, которая, осудив системный мир, пришла к оправданию нового, аристемного и еще более несправедливого мира. Старая критика «отказывалась от любого существенного проекта коллективного будущего, который бы шел дальше простого утверждения индивидуальной свободы и выходил бы за рамки чисто деструктивной критики действительности» (с. 12).

Подобная предельная поведенческая индивидуализация (по модели, например, делёзовского «становления-меньшинством») попадает точно в струю тотальной коммерциализации жизни и человеческих отношений. Мораль: если тупо настаивать на позиции, некогда несшей в себе

освободительный заряд, можно просто превратиться в сторонника неолиберализма. Примером тому может послужить Тони Негри, чей (с Майклом Хардтом) бестселлер «Империя» во имя некоторого анархо-коммунистического проекта подвергает критике территории, иерархии, понятия народа и национального государства, чем, с одной стороны, продолжает Альтюссера и Делёза, но, с другой, становится глашатаем глобализованного рынка, который и разрушил ядро государства как совокупности территорий и иерархий. Другой пример — Мишель Фуко. Мишон показывает, куда может завести излишняя верность его подходу. В своей «Археологии знания» он ищет новый теоретический метод, который позволил бы отказаться от синтетических априорных конструкций и, следовательно, от искусственного производства сущностей-единичностей. Предлагаемая им конфигурация организована, в конечном итоге, ризоматически и направлена на «борьбу против унифицирующих и гомогенизирующих эпистемологий, поскольку не учитывающих событийность, не преодолимо скрытный и многообразный характер событий» (с. 15). Но проблема в том, что сегодняшний «новый мир чаще всего и истолковывает себя в терминах ризоматической или молекулярной логики, скроенной, с одной стороны, по технико-телематическим, а, с другой, по экономическим неолиберальным образцам...». Этот мир толкуется как жидкий, лишенный очертаний и зазоров, нелокализуемый, ибо находящийся везде и ни где (сравни, например, с текучим обществом Зигмунта Баумана). Поэтому данные подходы упираются в две тенденции, концептуальная качка между которыми способна вызвать тяжелые приступы «морской болезни», или, попросту, тошноты у кого угодно: с одной стороны, в разнужданную рекламу безграничных возможностей нового общества; с другой, в обличе-

ние перекосов системного тоталитаризма. Автор напоминает, что «если мир и претерпел определенный сдвиг к текучему состоянию, то не все формы вдруг взяли и исчезли, да и власть также не распределилась вдруг гомогенным образом» (с. 31). Просто уже невозможно осмыслять эти перемены в старых добрых терминах «системы», «индивидуа» и «взаимодействия». Некогда действенная критика сегодня оказывается обесточенной новыми социально-экономическими условиями глобализованного капитализма. Та же самая ризоматическая организация «становлений-меньшинствами», которая совсем недавно претендовала на роль действенной «линии ускользания» от молярной инстанции французского государства, сегодня превращает Фуко и Делёза в утонченных проповедников либерализма. Среди новейших обозначений этого нового порядка встречаем «раздисциплинирование» (дисциплинарные сообщества Фуко вышли из моды), «десистематизацию» (микро-повествования, вытесняющие дискурс систем¹) и «разго-

сударствление». Параллельно с этой деконструкцией, процесс «вторичной обработки сырья» критической мысли вносит свою лепту в аисторическую интерпретацию и склонение всякой критической дистанции. К этому извращенному феномену добавляется и неоправданно чрезмерное представительство потомков, уже ничего не производящих, но предающихся, по словам Мишона, академическому фагоцитозу — неумеренному пожиранию и, следовательно, несварению фигур критической мысли, превращенных отныне в поводы для бесконечных комментариев и получения ученьих степеней.

Автор призывает вновь обратиться к радикальному историзму, способному вернуть критическую мысль в контекст ее высказывания и производства, чтобы дать — ей и нам — осознать всю меру расхождений, противофаз и прочих аритмий между эпохой «пост-68» и нашей. Понятие индивидуации опирается здесь на категорию ритма и на сравнительно-историческую эпистемологию. «Под индивидуацией я понимаю совокупность телесных, языковых и социальных процессов, в результате которых беспрестанно производятся и воспроизводятся, умножаются и уреза-

ются отдельные или коллективные индивиды... Ритмом я называю конфигурации, специфичные для этих процессов индивидуации» (с. 32). Таким образом, ритм включается в радикальный историзм, позволяющий зафиксировать метаморфозы переменчивого и нестабильного индивида в ходе истории. Иными словами, ритм представляется автору хорошим способом уловить индивидов в их текучести. Всю множественность изме-рений ритма Паскаль Мишон предлагает сгруппировать в три подхода. Прежде всего, ритм следует понимать в плане воздействия на орган или влияния на тело как на «совокупность телесных техник, сцепление действий, выборку шагов и остановок» (с. 54), одним словом, как пространственно-временную организацию, как ритмы телесности, которые в чем-то пересекаются с моделью фуко-дианских «техник себя». С телесными ритмами тесно связан другой элемент — дискурсивность, ритмы которой организуют текучесть языка. Для субъекта, претерпевающего индивидуацию, язык не есть ни данность, ни какой-то транспонент, даруемый при рождении, ни некий естественный акт, но модуляция этого акта посредством выработки техник языковой ритмики. Виктор Клемперер в своем знаменитом *Языке Третьего рейха* показал, как нацистской власти удалось проникнуть в индивидуально-семейный интим через контроль за ритмами языка, например, «через явную склонность к словам иностранного происхождения, непонятным среднему немцу и способным вселять в него мечтательность и доверчивость» (с. 56), или посредством придания некоторым словам уничтожительного или пейоративного смысла и т. д. Наконец, третьим элементом, позво-

¹ См. недавнее захватывающее исследование, посвященное смене курса в новом менеджменте и далеко за его пределами: на смену «системе» пришли «микронarrативы», или попросту «истории» (Christian Salmon, *Storytelling, la machine à fabriquer des histoires et à formater des esprits*, Paris: La Découverte 2007).

ляющим замкнуть герменевтический круг, выступает социальное измерение ритмических индивидуационных процессов. Социальные группы рассматриваются уже не как определенные и неизменные социальные образования, навязывающие правила своим членам, а опять-таки как монтаж и сборка некоторых техник, обусловливающих манеры (автор настаивает на этом слове, сохраняющем этимологический резонанс с *manus*, рукой, жестом, с определенной эмпирией действия), в которых человеческие отношения становятся текучими. Сущность группы не предсуществует техникам, которые эту сущность «являют», формируют и преобразуют. К такому тезису нас подводит уже антропологическая рефлексия и в частности понятие «монтажа техник», предложенное Марселеем Моском.

Какое место занимает в этих новых социальных сборках власть? По-новому сконфигурированная власть в ее многочисленных формах выступает теперь неким ритмическим *медиумом*, организующим сообщества и индивиды в такой новый порядок, при котором власть освобождается от своей *системной* формы и своих бюрократических рамок, чтобы представить лишь одной из сонма новых стратегий, призванных осуществлять гибкий контроль и всё разнообразие манер «отекущивания» тел-языковых групп. В новых условиях система использует флюиды-истечения и общий наличный хаос, доставшийся от расчлененных и «растекшихся» социально-экономических систем второй половины XX века. Теперь господство и иерархия не занимают привычные властные ячейки (государственные институции, парламенты и пр.), а создают новые, нетрадиционные. Уже бессмысленно толковать их в терминах, подходивших к Франции де Голля или Помпиду: «Если старый мир производил замкнутых и неизменных индивидов, подчиняющихся нормативной модели, то новые сверхгосударственные конфигурации источают жизненные формы, отличающиеся многообразием и в некотором смысле большей свободой, но в то же время и хрупкостью, скучностью опыта, бездеятельностью. Секрет мощи этих новых властных конфигураций, вероятно, и связан с производством этих типов жизненных форм и с контролем над ними, вписываяющими их в новые формы разделения»

(с. 93). Осознавая легкость, с которой логика капитала превращает идеи в идеологии, Мишон призывает к обновлению всей концептуальной гаммы, чтобы опять не отстать на круг. Согласно диагнозу Мишона, и ритмы, и миноритарные субъективности множатся (маркетинг только и занят созданием-дроблением потребительских меньшинств), но качественно они вялы и нестойки: свободная циркуляция упраздняет любую интенсивность, любую конфликтность, без которых нового сопротивления не сконфигурируешь.

Каждая социальная группа по-разному переживает ритмические различия, производимые внутри этого нового порядка. К сущности этой псевдо-системы принадлежит стремление к отмене прежней ритмической гомогенности для лучшего контроля, якобы более гибкого, но на деле более эффективного для подавления инакомыслия. За примером инакомыслия, скорее, разномыслия автор обращается к Р. Барту и его лекциям в Коллеж де Франс, посвященным формам общежития. Барт рассматривает дохристианские общины монахов-отшельников, живших в III в. до н. э. Закон их общежития описывается Бартом как идиоритмический. Смыслом этих коммун была полная индивидуация членов. Каждому монаху вменялось в обязанность найти свой ритм, в том числе для приемов пищи, за исключением одной общей трапезы в неделю. После крещения Константина в 313 году эти индивидуалистические сообщества были распущены. Барт комментирует это в том смысле, что идиоритмия всегда идет вразрез с властью. На первый взгляд, эта модель дает удовлетворительную картину ритмической текучести без навязывания вертикали, но она оставляет без внимания вопрос о государстве и объявляет идеалом несколько парадоксальную группу, выбравшую целью собственное постоянное разрушение.

За отправную точку последней части книги автор берет анализ «гибкости» фирм в работах Ричарда Сеннета. Гибкое рабочее время (т. е. по сути монтаж разных ритмов) сперва дает возможность, казалось бы, свободно располагать своим временем, но затем требует гораздо большей способности к адаптации. Постоянно бросаемый с одного этажа иерархии на другой, из одного коллекти-

ва в другой, работник теряет относительную автономию, которую ему вроде сулила такая «свободная» и неиерархичная организация. Терпит ущерб и его собственная ценность как индивида и работника: понятие «верности фирме», постановка и преследование долгосрочных целей теряют смысл. Их заменяет *принудительныйnomadism*: работа, которую нужно постоянно менять, или экспортируемая куда и когда угодно, и, как следствие, подчинение рабочей силы капиталу без ощущимых для капитала затрат. Такая ритмическая метаморфоза выливается в нарастающее делегирование большими фирмами своих услуг (аутсорсинг), что дает в результате предприятия «самых разных размеров и функций, связанные как бы в гроздья интенсивным обменом информацией, услугами и товарами, относительно независимые и не имеющие ясного центра» (с. 286). Автор призывает, конечно, не вернуться к прежним рутинным формам труда, к мощной бюрократии внутри фирм, но искать более гармоничные и обоснованные процессы индивидуации.

Рассмотрев и отбросив эвритмическую утопию Марселя Мосса, фуколдианское понятие дисциплинарных обществ, а также тревожную перспективу делёзовских «контролирующих обществ», автор заявляет, что именно ритмический подход может стать наиболее убедительным подспорьем для понимания текущих процессов. Этот подход состоит в тонком компромиссе между издержками коллективизации любой ценой ради победы над стереотипным индивидуализмом системы, и определенным анархизмом, предполагающим свободный выбор процессов индивидуации, невзирая на иерархию или локальную специфику. Для этого нужно придать ритму *качество, интенсивность*. Такая возможность открывается, согласно автору, в новых «манерах текучести» через локальную и транлокальную коллективную мобилизацию «телесно-языковых» сообществ на поиски новых телесных, языковых и социальных техник. Другими словами, параллельно с изменением системы необходимо изменять инструменты критики, не просто ценить наследие за его жест, но и работать над концептами, чтобы вписывать их в быстротекущую историю. ■

ПОЛИТИКА